

поселения (стр. 231—235), в которых слияние двух этнических общностей делало первые шаги.

Во второй половине IX в. принятие христианства, победа славянского языка и внедрение славянской письменности завершают процесс унификации: протоболгары и славяне сливаются в единую народность, в особый этнический тип с отчетливым этническим самосознанием.

Наиболее оригинальной в этом разделе мне представляется часть, трактующая историю имени «Болгария» (и соответственно этноним «болгары»). С середины IX в. все подданные Болгарского государства (как славяне, так и протоболгары) именуется в греческих и латинских источниках «болгарами», тогда как этноним «славяне» сохраняется за населением областей, лежавших вне Болгарии (стр. 317—326). В славянской же литературе конца IX и начала X в. оба этнонима употребляются равноправно, что должно было, по мысли Ангелова (стр. 330), подчеркнуть славянский характер болгарской народности. Во второй половине X и в XI в. название «болгары» постепенно вытесняет этноним «славяне» (стр. 335).

Едва процесс болгарского этногенеза завершился, как болгарская народность оказалась перед серьезным испытанием: в 1018 г. Болгария попала под власть Византийской империи. Периоду «византийского ига» посвящена заключительная глава книги. Основная задача, стоявшая в эту пору перед болгарской народностью, заключалась в сохранении себя в условиях эллинизации или, точнее, «византинизации» Болгарии, и именно этой задаче посвящает основное внимание Ангелов. Он показывает, как в ряде болгарских агиографических и апокрифических сочинений XI—XII вв. нашло свое выражение самосознание народности и ее «историческая память», что в средневековых условиях вело к выработке идеи «избранного богом народа», а также к развитию тезиса о принадлежности болгар к славянскому миру (стр. 351—360). Термины «Болгария» и «болгары» продолжали широко применяться в XI—XII вв. как в славяноязычной литературе, так и у писателей греческих и латинских (стр. 370—378). Болгарская народность сохранила себя в трудных условиях «византийского ига», вопреки унифицирующему воздействию государственного аппарата империи и идеологии православной церкви.

Однако этногенетические процессы в Болгарии XI—XII вв., по-видимому, не могут быть сведены только к самосохранению, к негативной реакции на «византизацию». Ангелов показывает, что болгарское население распространяется в это время на юг от собственно болгарских фем — в албанские области по Адриатике, в Халкидику, Эпир, Фессалию (стр. 360—369). Можно было бы сказать больше: болгарский этнический элемент участвовал в XI—XII вв. в формировании византийской народности, во всяком случае в составе господствующего класса Византийской империи прослеживается ряд болгарских фамилий, начиная от Аарониев, которые были связаны браками со знатнейшими греческими родами.

Вместе с тем на территории самих болгарских фем болгарская народность соприкасалась с новыми этническими элементами. Одни из них, степняки (печенеги, торки, половцы), по-видимому, быстро растворялись в болгарской среде, другие, прежде всего, армяне, сохраняли свою этническую обособленность. Особенно сложен в этой связи вопрос о соотношении болгар и владов. Проблема состоит в том, что некоторые византийские авторы (например, Никита Хониат) прилагают этноним «влахы», по всей видимости, к болгарскому этносу. Чем могло быть вызвано такое смещение? Безразличием византийцев к этнической терминологии или же бытовой и языковой близостью болгар и владов в XII в.? Вопрос этот заслуживает внимания.

Книга Ангелова содержит обширный материал, тщательно отобранный и убедительно истолкованный. Отличные карты облегчают пользование книгой. Кое-где, впрочем, встречаются досадные опечатки и оговорки. Например, на стр. 83 назван император Галлен — речь идет на самом деле о Галерии. На стр. 318 «Клиторологий» Филофея датирован 889 г. — надо 899. На стр. 336 понтификат папы Иоанна XIII датирован 967—999 гг. — в действительности 965—972.

А. П. Каждан

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Гуру Нанак (К 500-летию со дня рождения поэта и гуманиста Индии). М., 1972, 198 стр.

В 1969 г. не только в Индии, но и во всех странах, где есть сколько-нибудь крупная община сикхов или панджабцев вообще, торжественно отмечалось пятидесятилетие со дня рождения выдающегося мыслителя, просветителя, поэта и основателя религиозной системы сикхизма — гуру Нанака (1469—1539) (гуру — религиозный наставник, учитель). Во многих странах, в том числе и в Советском Союзе, юбилей Нанака был

отмечен научной общественностью. В самой Индии к этой дате было приурочено новое исследование о гуру Нанаке¹.

Академик Б. Г. Гафуров в предисловии к сборнику, посвященному памяти гуру Нанак, пишет: «Имя Нанак стоит в одном ряду с именами таких великих гуманистов — его современников, — как Эразм Роттердамский и Томас Мор» (стр. 4). И это не преувеличение. Трудно переоценить влияние гуру Нанак на все сферы общественно-политической жизни Индии как в его эпоху, так и в дальнейшем, вплоть до наших дней.

Сейчас в Индии, главным образом в штате Пенджаб, насчитывается около 8 млн сикхов. Несмотря на относительную малочисленность приверженцев сикхизма, они играют большую роль, не только в социально-экономической жизни Индии, но также и в этнообразующих процессах.

Советские индологи И. М. Рейснер, А. М. Дьяков, Н. М. Гольдберг, Н. И. Семенова и др. внесли значительный вклад в изучение сикхизма, но творческое наследие его основоположника гуру Нанак и последнего гуру Гобинд Сингха (1675—1708) в их работах не получили еще достаточного освещения. Рецензируемый сборник в какой-то мере восполняет этот пробел.

Сборник «Гуру Нанак» состоит из ряда статей, весьма различных по тематике, глубине научного анализа и по объему, но все они удачно, на наш взгляд, дополняют друг друга, характеризуют историческую обстановку, в которой жил гуру Нанак, и с разных сторон раскрывая его многогранную деятельность.

Сборник открывает статья К. З. Ашрафян (она же и один из двух ответственных редакторов сборника) «Гуру Нанак и его время». Эта статья, занимающая около четверти сборника (стр. 5—56), дает, хотя и кратко, но довольно обстоятельную характеристику той эпохи, которая предшествовала развитию массового реформаторского движения бхакти в Индии, и того времени, когда непосредственно жил и творил гуру Нанак.

Статья подразделяется на ряд небольших разделов: «Отсутствие политической стабильности», «Пенджаб под властью султанов Дели», «Экономическое развитие Индии», «Земледелие», «Развитие общественного разделения труда. Город», «Города Пенджаба», «Городское ремесло», «Торговля», «Социальное положение ремесленников и торговцев», «Феодальная эксплуатация городских ремесленников и торговцев», «Положение крестьян». Завершает ее самый большой раздел «Реформаторское учение Нанак. Отрицание касты».

Казалось бы, что некоторая дробность статьи должна затруднить изложение материала, вызвать естественные повторы, но этого не произошло. Все разделы показывают сложность общественно-политической и экономической обстановки, сложившейся в Индии, и подводят читателя к естественному выводу, что антифеодальное по своему характеру религиозно-реформаторское движение бхакти имело серьезные социально-экономические истоки. Деятельность и взгляды гуру Нанак, рассмотренные в последнем разделе, убедительно свидетельствуют, что сикхизм в тот период явился наиболее полным и завершающим учением движения бхакти в целом.

Всю статью К. З. Ашрафян пронизывает принцип широкого историзма. Автор убедительно показывает, что общественно-политическое развитие в Индии шло теми же путями, как и в Западной Европе. Однако это, конечно, не исключало наличия специфических особенностей в каждой стране. Правда, оговорка автора о том, что «в условиях индийского средневековья» (курсив мой.— В. К.), когда идеология различных общественных слоев не выходила за пределы религиозного мышления, идейно-политическая борьба принимала форму борьбы одних вероучений против других² (стр. 10), несколько противоречит ее общей концепции. Как известно, Ф. Энгельс писал, что высшим обобщением феодального строя была церковь; это обеспечивало «верховное господство богословия во всех областях умственной жизни». Он подчеркивал, что «при этих условиях все выраженные в общей форме нападки на феодализм и прежде всего нападки на церковь, все революционные-социальные и политические доктрины должны были по преимуществу представлять из себя одновременно и богословские ереси»².

В целом хорошо аргументированная статья К. З. Ашрафян является серьезным исследованием, полезным как для востоковедов вообще, так и для этнографов. Однако отдельные утверждения автора вызывают недоумение. О каких белуджах, проживающих на северо-западе Пенджаба, идет речь? (стр. 10). И на той же странице: «В пенджабских деревнях, как и в гордах, проживало большое число негроидных потомков древнего доарийского населения области». Не ясно, что имеет в виду автор.

Значительный интерес представляют статьи И. Д. Серебрякова «О литературном наследии Нанак (Опыт характеристики)» (стр. 57—81) и И. С. Рабиновича «„Изначальная книга“ и „Книга десятого гуру“ — памятники индийского Возрождения» (стр. 82—121). В этих двух работах, тематически связанных между собой, продолжается исследование проблем, поднятых в последнем разделе статьи К. З. Ашрафян «Реформаторское учение Нанак. Отрицание касты».

¹ См.: Harbans Singh, *Guru Nanak and the Origins of the Sikh Faith*, Bombay, 1969.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 7, стр. 360—361.

Статья И. Д. Серебрякова открывается кратким обзором истории изучения творчества Нанака. Как известно, произведения Нанака были собраны его учениками и последователями в «Изначальной книге», более известной у нас под названием «Ади Грантх». Эта книга стала каноном сикхизма, излагающим его основные доктрины.

Автор подчеркивает, что несмотря на основательное знакомство Нанака со всеми религиями и сектантскими учениями в Индии и включение в религиозную символику сикхизма непосредственно или трансформированно элементов других религий и религиозных учений, «Нанак выступает как создатель оригинальной религиозно-философской системы, запечатленной в его обширном литературном наследии» (стр. 71). Краткое, но очень содержательное изложение сути учения Нанака, несомненно, представляет интерес для этнографов, занимающихся религиозноведческими вопросами.

Совершенно справедливо И. Д. Серебряков подчеркивает и другую сторону значения «Изначальной книги». «„Ади Грантх“ для панджабской литературы — это произведение, знаменующее важный этап, когда в ходе контактов и взаимовлияний различных фольклорных и литературных общностей, устных и письменных традиций, в сложной социальной борьбе складывается панджабский народ со своей особой, национально-осознаваемой духовной жизнью, воплотившейся прежде всего в явлениях литературы» (стр. 74).

Статья И. С. Рабиновича посвящена весьма актуальному вопросу об эпохе индийского Возрождения, к существованию которой некоторые исследователи относятся скептически. Автор, отмечая большой вклад советских ученых в изучение этого вопроса, считает, на наш взгляд, совершенно правильно, что «Возрождение в Индии (XV—XVII вв.) — эпоха больших общественных сдвигов» (стр. 83).

И. С. Рабинович дает тщательный структурный анализ «Изначальной книги», в которую, как известно, вошли не только произведения самого гуру Нанака, но и других идеологов движения бхакти — его предшественников (например, Кабира и др.), а также преемников Нанака. Разбирая религиозно-философские взгляды Нанака, автор уточняет отдельные положения учения гуру, изложенные И. Д. Серебряковым. Очень интересно приведенные И. С. Рабиновичем сведения о бхагатах, идеологах различных течений бхакти, и суфийских проповедниках, произведения которых органически вошли в «Ади Грантх».

Особое внимание автор уделяет деятельности последнего, десятого, гуру Гобинд Сингха (1675—1708). С именем Гобинд Сингха, поэта и воина, философа и государственного деятеля, связаны важные изменения в жизни сикхской общины. Он выступил решительным реформатором сикхизма. Демократизация общины, создание сикхской хальсы, (вооруженной общины), которая пришла на смену единоначалию гуру, придание ей боевого наступательного характера — все это способствовало развертыванию массового крестьянского антифеодального движения, во главе которого встала хальса. Совершенно прав И. С. Рабинович, когда пишет, что «при Гобинд Сингхе произошла канонизация сикхского вероучения, которое становится, по существу, самостоятельной религией» (стр. 107).

Автор статьи, исследуя «Книгу десятого гуру», особенно подчеркивает ее боевой, пронизанный демократизмом характер. Статья, несомненно, будет с большим интересом прочитана исследователями религии вообще и сикхизма в особенности.

Статьи Н. Б. Гафуровой «Произведения Кабира в „Ади Грантх“ (перевод с браджа и примечания)» (стр. 122—164), Ю. А. Смирнова «Гуру Нанак и вопросы становления языка панджаби» (стр. 165—175) и С. И. Потабенко «Образ Нанака в индийском изобразительном искусстве (к вопросу о возникновении и развитии живописной школы у сикхов)» (стр. 176—186) в данной рецензии специальному разбору не подвергаются. Они заинтересуют, в первую очередь, литературоведов, филологов и искусствоведов. Впрочем примечания Н. Б. Гафуровой (стр. 147—164) и особенно статья С. И. Потабенко представляют определенный интерес и для этнографов-индологов.

Сборник завершают три статьи индийских ученых: Гурбаки Сингха — «О некоторых вопросах жизни и деятельности гуру Нанака» (стр. 187—190), Маданджит Сингха «Гуру Нанак — великий реформатор» (стр. 191—195) и Суриндар Сингха Коли «Идеи гуру Нанака о личности и обществе» (стр. 196—198). Эти три статьи, несомненно, привлекают внимание специалистов, но, к сожалению, они очень короткие. Вообще же следует всячески приветствовать участие индийских исследователей в коллективных сборниках, выпускаемых в нашей стране. Это свидетельство крепнущих связей между учеными СССР и Индии.

В. И. Кочнев